

Коммерциализация социальной сферы: влияние на показатели социальной политики

В наших докладах на РЭК-2009 и РЭК-2013 рассматривались как семиотический подход к обеспечению достоверности социально-экономических показателей, так и применение семиотической методологии к разработке информационно-аналитической комплексной системы НДП («Население, доходы, потребление») для моделирования финансирования социальной сферы РФ. На ее основе затем осуществлялось решение серьезных экономических задач по оценке некоторых показателей социальной политики. При их решении существенную роль играет достоверность оценки всех показателей в системе НДП, в том числе скрываемых доходов. Продолжим далее рассмотрение таких задач на примере еще трех из них:

- 1) влияние динамики общей функциональной структуры доходов населения, степени их сокрытия и ввода плоской шкалы НДФЛ на дифференциацию доходов населения;
- 2) оценка ущерба населения от коммерциализации социальной сферы;
- 3) оценка доступности жилья по видам доходов простых семей.

В системе НДП на макроуровне были выделены три пересекающихся, функционально различных слоя населения: полностью официальный слой незанятых S с пассивными доходами (социальными выплатами) и два слоя занятых (T и Π) с активными первичными доходами, официальными или скрываемыми. Здесь T – наемные работники с трудовыми доходами V_T , а Π – остальные занятые (условно – «предприниматели») с прочими активными («предпринимательскими») доходами V_Π . На среднем, мезоуровне уровне слои образуются 14-ю (после учета групп «теневиков» при теневой, незарегистрированной занятости без официального статуса) непересекающимися социальными группами с 14-ю социальными ролями, определяемыми по 1–3 основным источникам дохода. Микроэкономический уровень дает при подецильном распределении 140 социально-экономических (доходных) групп населения. Наконец, на микросоциальном уровне анализируются типы домохозяйств и их доходы. На всех уровнях крайне важные последствия для обеспечения достоверности результатов имела разработанная методика ориентировочного оценивания скрываемых (теневых и скрытых) элементов формируемых структур населения: теневой занятости, скрываемых доходов – в т.ч. теневых доходов и скрытых доходов официально занятых. На макроуровне и мезоуровне фактически выявляются: верхняя граница искомой оценки

скрываемого (а конкретнее – скрытого) трудового дохода и нижняя граница скрываемого (точнее – скрытого) предпринимательского. Эти оценки позволили выявить резкие скачки в динамике степени сокрытия доходов. На основе статбазы системы НДП корректно рассчитывались инерционные, т.е. сохраняющие инерцию развития базового периода, прогнозы разных уровней. Полученные в системе НДП достоверные результаты использовались в дальнейших исследованиях для решения серьезных экономических задач по анализу показателей социальной политики.

Для задачи 1 анализ динамики общей функциональной структуры доходов населения и степени их сокрытия в итоге выявил фактическое сохранение «несоциального» характера этой структуры ($V_T:V_{\Pi}:V_S$), определяемого заниженной долей V_T в V и активным ростом степени сокрытия V_{Π} – вплоть до преобладания над официальной частью этих доходов. Рассчитанные оценки предела степени сокрытия V_T (V_{TC}/V_T) оказались близкими к 30%, в то время как нижняя граница этого для V_{PC}/V_{Π} выросла с 2010г. уже сверх 60%. Рост V_{PC} в 2009 г. логично связать с нелегальным присваиванием частью предпринимателей финансовой помощи государства реальному сектору. Слишком низкая доли V_T усиливает существующую чрезмерную дифференциацию доходов населения, что не соответствует политике *социального* (по Конституции) государства.

Наши оценки скрываемых доходов позволили доказать неэффективность ввода плоской шкалы НДФЛ с 2001 г., так как он не способствовал легализации доходов населения. Более того, учитывая порядок взимания различных налогов, плоская шкала оказалась наиболее весомой для бедных при практической «невесомости» для богатых. В принципе при плоской шкале вообще не может идти речь об экономической и социальной справедливости, экономической обоснованности – вместо этого происходит дальнейшее углубление дифференциации населения. Так, в соответствии с примером М.Е. Чичелева из Московского центра развития предпринимательства, пусть в 2006 г. для четырех групп налогоплательщиков с ежемесячными доходами (по группам) 5, 30, 60 и 100 тыс. руб. соотношение их доходов было 1:6:12:20. Тогда для располагаемых доходов, то есть средств, остающихся после обязательных платежей, это соотношение уже 1:20:42:72, то есть у бедных отбирается реально более чем втрое выросшая *большая* часть дохода. При этом бремя обязательных платежей легче для богатых, снижаясь от 76,6 % для бедных с минимумом доходов в 4,7 раза до 16,2 % для богатых с максимумом доходов (по нашим расчетам). Таким образом, фактически плоская шкала означает перераспределение «не в пользу бедных» (термин директора Института США и Канады РАН, чл.-корр., д.и.н. С.М. Рогов).

В задаче 2 ориентировочной оценкой годового потребительского (денежного) ущерба населения РФ от коммерциализации социальной сферы относительно 2000г. можно считать

стоимость добавочного объема потребления социальных услуг для сохранения, при росте тарифов, прежней структуры потребления. Была предложена формула расчета по схеме деления потребительских расходов в РФ за год на три вида благ по секторам: жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ); прочих социальных услуг; потребительских товаров с пренебрежимо малым ущербом (их физическая структура меняется незначительно). Формула была скорректирована при семиотическом контроле, который выявил тождественность семантики некоторых синтаксически различных понятий, например: доли сегмента в стоимостной структуре потребления при неизменных тарифах – и начальной доли блага. При расчете ущерба по ЖКУ в целом по РФ непригоден учет жилищных дотаций и льгот из-за региональной специфики их включения в счета по ЖКУ.

Оценки ущерба по ЖКУ, в 2001г. сопоставимые с размером оплаты ЖКУ, к 2005г. превышали его уже почти в 9 раз, к 2010г. – до 26 раз. По сектору прочих социальных услуг рост отношения ущерба к размеру оплаты намного ниже, хотя стоимость их в 2001–2010гг. выше в 2–5 раз; размер ущерба в 2010г. равнялся 60 % «жилищного». Это говорит о сравнительной стагнации в сфере ЖКУ при бурном росте тарифов на них и реальном активном развитии прочих услуг, содействуя оценке ущерба населения от коммерциализации социальной сферы, особо по ЖКУ.

На микросоциальном уровне моделирования для характеристики социально-экономического положения домохозяйств (практически пока в Росстате – семей) используются среднестатистические величины функциональных и групповых доходов их членов. При двумерной классификации по социальным ролям каждого члена семьи выявляется социально-демографический тип семьи. Но социальный состав исходных семей (из-за многовариантности демографического) неопределим в принципе. Чтобы корректно осуществить идею его определения, мы предложили методику предварительного пересчета исходных сложных семей в простые, где сложная семья – та, которая при возможности разъезда разделилась бы на несколько простых (обычно нуклеарных) семей, «порождаемых» исходной сложной. Варианты этого анализировались по достаточно представительной выборке данных за 1998–2005 гг. о составе и вариантах разъезда почти 200 тыс. семей «очередников» Москвы, т.к. разделение сложных семей идет активно и в малых городах, и в сельской местности, причем (как и для генеральной совокупности) постановка на очередь практически в течение этого периода зависела, в основном, от количества кв.м на 1 члена семьи, т.е. от ее размера. Средний размер исходной семьи 2.7; для очередников это 3.7, т.е. нужен поправочный коэффициент 2.7/3.7. Расхождения средних оценок доходов по 175 основным типам итоговых простых семей и по РФ в целом находятся в допустимых пределах (1,5–3%), подтверждая корректность методов и достоверность результатов. Для определения

доступности жилья Всемирный Банк и Центр по изучению поселений человека при ООН рекомендовал показатель, связанный с невозможными в условиях РФ прогнозами цен на недвижимость. Нами для решения задачи 3 был предложен иной, динамичный годовой показатель доступности жилья: количество кв.м. жилья, по ценам каждого года доступных для простых семей разных типов. Средняя стоимость кв.м жилья сопоставлялась с вариантами семейных доходов – без учета или с учетом: скрываемых доходов населения; расходов на уровне прожиточного минимума для тех или иных типов семей. В последнем случае в 2005г. небольшие простые семьи с минимальным доходом не могли бы купить даже 1 м² жилья; большие – не более 6 или 4 м² даже с трудящимся членом семьи. Анализ доходов семей показывает гораздо более высокую дифференциацию доходов (в 20–40 раз) в небольших простых семьях из 1–3 чел., превышающую ее уровень для больших семей в 5–8 раз. Доходы в таких семьях бывают минимальными даже при наличии в их составе трудящегося, что требует изменения политики оплаты труда. В итоге выявляется практическая недоступность покупки жилья для большинства простых семей, даже с трудящимися членами семей.

Литература

1. *Тарасова Н.А.* Доступность жилья для населения / Демографическая энциклопедия (под. ред. А.А. Ткаченко). М.: Энциклопедия. 2013а. С.268-269.
2. *Тарасова Н.А.* О методологической роли семиотического подхода в экономике / Доклады Второго российского экономического конгресса. 2013б. [Электронный ресурс] <http://www.econorus.org/c2013/files/Omee>.
3. *Тарасова Н.А.* Общая семиотическая методология обеспечения достоверности социально-экономических показателей /Современные проблемы экономической теории и практики (по материалам РЭК-2009). М.: ИЭ РАН, 2012б. С.258-282.
4. *Тарасова Н.А.* Оценки параметров российской жилищной политики // Вопросы статистики. 2009. № 8. С.58-64.
5. *Тарасова Н.А.* Оценки ущерба населения от коммерциализации социальной сферы и доступность жилья // Человек и труд. 2010. № 8. С. 18–23.
6. *Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Базовая и прогнозная динамика общей функциональной структуры доходов населения и степени их сокрытия в 1995-2013 гг. / Доклады Второго российского экономического конгресса. 2013. [Электронный ресурс] <http://www.econorus.org/c2013/files/Pcs1.doc>.